

ВЛАДИМИР ЮДИН

СВЯТЫЕ ГОРЫ

Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть Христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история Христианства.

А. С. Пушкин

В отечественном пушкиноведении, в публицистике и широкой массовой печати не утихают горячие споры: был ли наш величайший русский поэтический гений – “наше всё!” – христоролюбивым, православным верующим как по религиозному мировоззрению, так и в своём многообразном поэтическом творчестве, или над ним довлели и им твёрдо управляли материалистические, антиклерикальные силы и догмы?..

Вопрос, казалось бы, давно решён: да, в строгом соответствии с канонической морально-нравственной формулой Достоевского: “Русский, сиречь православный”, – Пушкин, несомненно, был в высшей степени русским национальным поэтом и, стало быть, свято чтящим Господа и Православную веру. По Достоевскому, одно вытекает из другого и тесно взаимообусловлено.

В многочисленных воспоминаниях современников, в письмах поэта, в его пленительных стихах, сказках, поэмах, повестях, драмах – всюду явственно ощутимы его христианские, православно-религиозные искания, идеи, мироощущения, органично воплотившиеся в самых разнообразных персонажах, сюжетных коллизиях и глубоких авторских комментариях.

Однако ярые “пушкиноеды” вульгарно-материалистического, как правило, русофобского закваса жёстко и напористо возражают: недопустимо, мол, называть христоролюбивым автора богохульственной “Гавриилиады”, грязных и похабных стишков под именем Баркова, безосновательно, о чём скажу ниже, приписываемых Пушкину.

...Ещё с советских лет, когда в нашем литературоведении господствовал пресловутый “классовый подход” и абсолютно доминировала социологически выстроенная, “единственно научная и правильная” эстетическая методология, Пушкина рисовали яростным и непримиримым противником царя и монархии (прочитайте, к примеру, хвалёный-перехваленный в своё время роман Юрия Тынянова “Пушкин”), адептом западного либерализма, ругателем русского духовенства и, в конечном счёте, ненавистником России. Более циничных, пошлых и безрассудных обвинений в адрес “солнца русской поэзии” придумать трудно...

Даже лояльные и вдумчивые исследователи сегодня всё ещё осторожно отмечают, что поэту, мол, была изначально свойственна антиклерикальность, но он эволюционировал “от нейтрального и даже критического отношения к Православию до полного его признания и в некоторых случаях – воцерковления”, как, например, отмечает Л. А. Боброва (Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. М., 1998. № 3. С. 226–237).

В широком круге исследователей русской классической литературы, даже позитивно относящихся к Пушкину как православной личности, всё ещё можно встретить расхожие, достаточно устойчивы суждения, что жизнь поэта не была жизнью воцерковлённого человека, что, напротив, это была жизнь весьма одарённого, но легкомысленного “повесы”...

И тогда я позволил себе ещё раз вернуться к означенной теме, опираясь, прежде всего, на художественные тексты поэта, его основные биографические данные и эволюцию миропонимания, на доказательные суждения мудрых иерархов Русской Православной Церкви.

СЕРДЦЕ, ЖЕРТВА ЗАБЛУЖДЕНИЙ...

...Начнём с ранних детских лет Пушкина. В дворянских семьях по обычаю детей воспитывали, давали им домашнее начальное образование французы-гувернёры. Так было и у Пушкиных. Гувернёры Монфор и Русло – первые иностранные учителя будущего великого поэта, надо подчеркнуть, малообразованные, очень далёкие от грамотного воспитания и понимания детской психологии, абсолютно чуждые русскому национальному духу, едко насмеявшиеся над всем русским и христианским.

Благо, неусидчивый, дерзкий, стремительный и вместе с тем очень любознательный Пушкин-ребёнок не очень-то жадно внимал невежественным наставлениям заезжих “педагогов”. Не этим ли обстоятельством навеяны широко известные строки:

*Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть...*

“Так случилось, что в раннем детстве, которое в душе каждого человека оставляет обычно самые дорогие воспоминания на всю жизнь, Александр Сергеевич Пушкин был обделён материнской и отцовской лаской, – вспоминал Василий Львович Пушкин (1766–1830). – Знаменитые иронические строки “Евгения Онегина” были как раз той самой шуткой, в которой всегда есть доля правды:

*Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
Итак, дай Бог им долги дни!*

Годы, проведённые в Царскосельском лицее, где господствовал дух неукротимого молодецкого либерализма, конечно, дали сильный толчок к развиту собственному поэтического дара будущего великого поэта, но вместе с тем и усилили на время печальные результаты домашнего антиклерикального воспитания.

Зато заботливое попечение обожавшей его няни Арины Родионовны Яковлевой, “подруги дней моих суровых” – простой русской крестьянки, получившей “вольную”, неграмотной, но глубоко поэтической природы, осенённой светочем Господним, – Пушкин воспринимал с необыкновенной живостью и чутким трепетом. Бесспорное тому свидетельство – сохранившийся на всю

жизнь в его благородной душе светлый образ христоролюбивой няни. Арине Родионовне он посвятил стихотворения “Наперсница волшебной старины”, “Зимний вечер”, “Няне”. Поэт трогательно упоминает няню в стихотворении “Вновь я посетил...”, вспоминает о ней в “Евгении Онегине” (в образе няни Лариных – Филиппьевны), в отрывке “Сон”:

*Ах, умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в цепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шёпотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнись, бывало,
Едва дыша, прижмись под одеяло,
Не чувствую ни ног, ни головы...*

Не отсюда ли – из бездонного золотого кладезя многочисленных народных сказок, легенд и сказаний, которые поведала ему кудесница няня, – проистекают дивные фольклорные мотивы в пушкинских шедеврах, определивших глубокую народность его эстетики и русского национально-философского миропонимания, тесно связанного с благородным православным христоробием?..

Исследователи жизни и творчества великого поэта давно уже показали, как много подлинно русского, национального впитал он в себя, общаясь с Ариной Родионовной, и по праву числят её в кругу самых близких его друзей. “Была она настоящею представительницею русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками, – вспоминает О. С. Павлищева. – Александр Сергеевич, любивший её с детства, оценил её вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском. Умерла она у нас в доме, в 1828 году, лет семидесяти с лишком от роду, после кратковременной болезни” (“Друзья Пушкина”. Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х тт. М., 1985. Т. 1. С. 128).

В дальнейшем в качестве учителя и доброго наставника судьба даровала юному Пушкину очень незаурядную личность – человека высокой духовной культуры, редкостного благонравия и широкого образования, священника Мариинского института Александра Ивановича Беликова, преподававшего ему Закон Божий. Это им был составлен “Катехизис, или Краткое изложение православного христианского закона”.

Протоиерей И. Предтеченский отмечал: “Следует с уверенностью сказать, что размышления священника Беликова по вопросам веры и нравственности оставили свой след в душе будущего поэта, в глубинах юного, пытливого Пушкина уже тогда замерцало **его религиозное сознание, которое никогда не угасало в нём, и даже тогда, когда за внешней оболочкой брезгливости он проводил время “в безумстве и лени”** (Прот. И. Предтеченский. Страницы из жизни и творчества А. С. Пушкина // Тверские епархиальные ведомости. 1994. № 7-8. С. 15). (Выделено мной. – **В. Ю.**)

Кто в горячо пылающей иллюзиями и несбыточными романтическими представлениями юности не подвергал сомнениям всё и вся?! Кто не считал собственные, ещё не оперившиеся взгляды и представления, сколь бы наивны они ни были, самыми “умными”, самыми глубокими и бесспорными?..

Важно понять, что Пушкин был чрезвычайно живой, порой даже экзальтированной, неудержимо восторженной личностью. Изначально он воспринимал мир как бесценное, дивное Божие творение, будущее рисовалось юному поэту в самых радужных и тёплых тонах. Поэт страстно устремился навстречу жизни, будто навстречу солнцу!.. Именно поэтому такой жизнерадостной и светлой станет его ослепительно чудесная лирика!..

Лишь пожив на свете, испытав чёрную изнанку жизни, получив жестокие и беспощадные удары судьбы, он начинает сознавать, как сложен, многолик и противоречив мир, как трудно переживается горе от ума... Вследствие этого станет глубоким, мудрым и драматичным его многожанровое творчество. Но останется неизменным одно – неувядаемая вера в счастье бытия, радость ощущения жизни, поклонение природе как великому и нескончаемому Божию творению...

Если в юности Пушкина ещё одолевает сомнение: “Ум ищет Божества, а сердце не находит”, – то в зрелом возрасте поэт уже твёрдо и убедительно рассуждает: “Сердце, жертва заблуждений / среди порочных упоений, / хранит один святой залог, одно Божественное чувство” (“Бахчисарайский фонтан”).

Пожалуй, не найти такого поэтического творения Пушкина, в котором прямо или подспудно не звучали бы вдохновляющие и жизнеутверждающие религиозно-христианские мотивы: “Странник”, “Ангел”, “Когда великое свершилось торжество”, “Вечерня отошла давно”, “На тихих берегах Москвы”, “Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну”...

Наивысшее поэтическое озарение пушкинское православное сознание получило в его гениальных творениях – “Пророке”, в молитве “Отцы пустынники и жены непорочны”, в “Борисе Годунове” (монолог летописца Пимена), в “Евгении Онегине” (образ благонравной Татьяны Лариной), в стансах – “В часы забав иль праздної скуки”, в стихотворении “Монастырь на Казбеке” и других.

Вслед за Достоевским (кому не известна его памятная, блистательная речь о Пушкине?..) архиепископ Камчатский и Сеульский Нестор (1884–1962) указывал на то, что именем Пушкина русское общество оказалось пробуждённым от чар богоборчества, от обильно проникавших в Россию с Запада революционно-радикальных антидержавных веяний и либеральных настроений, почувствовало себя снова русским, православным, облечённым высшим духовным призванием...

Понять истинного Пушкина-боголюбца, православного христианина помогает нам высокопреосвященнейший митрополит Анастасий (1873–1965), в миру Александр Александрович Грибановский, не однажды обращавшийся к личности и творчеству “солнца русской поэзии”.

Наследуя духовное слово митрополита Филарета, архиепископа Никанора, митрополита Антония и других высоких русских иерархов-мыслителей, поставивших во главу угла своего пастырского слова неудержимую устремлённость к Русской идее, продолживших путь к познанию подлинно духовно-православного Пушкина, митрополит Анастасий возрождает традиции канонического воззрения на Пушкина, принятые Православием в дни общероссийских торжеств 1880-го и 1899 года.

“ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ ТОМИМ...”

...В августе 1824 года Пушкин был сослан в село Михайловское Псковской губернии, где прожил безотлучно до сентября 1826 года.

Известно, сколь остра и мучительна пытка одиночеством, особенно для таких искромётных, живых и общительных натур, как Пушкин. Далеко не каждому дано её успешно преодолеть, разве что человеку, свято верующему в Господа и Его нравственно возвышенные, исцеляющие заповеди...

Цинизм властей, обречённых поэта на одиночество, заключался в том, что они прекрасно знали о его глубоких эмоциональных переживаниях, повышенной душевной экспрессии, что разлука с близкими и друзьями может серьёзно подорвать его физически и морально. Тишина и внешний покой уединённости далеко не всегда плодотворны в творческом плане, как традиционно принято считать. Даже у сильного человека, находящегося в отчаянном одиночестве, порой опускаются руки, страдает и расслабляется воля, наступают метания, душевная мятежность и мучительные сомнения во всём и вся.

“И в жизни сей мне будет утешенье: / мой скромный дар и счастье друзей” – открыл свою глубокую, трепетную и мятежную душу великий русский поэт, душу, которая не может жить взаперти.

Иной читатель снисходительно скажет: подумай – два каких-то года ссылки!.. Не такое уж и жестокое наказание. Не в глухомань же сибирскую сослали, в село Михайловское, в центре России, в Псковскую губернию, вдали от шума городского. Да и сослали, мол, “за дело” – не надо было слишком своёвольничать, вольнодумствовать и резко осуждать крепостничество, царя, высокопоставленных вельмож... И хорошо, дескать, что вовремя сослали, невольно лишив горячего поэта соблазна выйти на Сенатскую площадь в декабре 1825 года и тем самым спасти его голову от куда более жестокого наказания...

Напомню, гражданское вольнодумство поэта ярко проявило себя ещё за долго до ссылки в Михайловское. “Вольность” – юношеская ода Пушкина,

предположительно написанная ещё в ноябре-декабре 1817 года и послужившая причиной четырёхлетней ссылки поэта на юг России, действительно чрезвычайно резка по тону и категорична по выводам: “Хочу воспеть Свободу миру, / на тронах поразить порок...”, “Тираны мира! Трепещите! ... Восстаньте, падшие рабы!”

Впрочем, нельзя не признать, что высокое гражданское звучание “Вольности” не утратилось и в наши дни, служа хорошим поучительным уроком правителям всех стран и народов:

*Владыки! Вам венец и трон
Даёт Закон, а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон...*

В советском литературоведении особенно часто цитировали нижеследующие строки, придавая им “классовое”, революционное значение:

*Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу...*

Безапелляционно утверждалось, что особенно резкие строки “Вольности” направлены против русского государя Александра I. Однако это не так. Достаточно понять, кого именно подразумевает Пушкин под “самовластительным злодеем”, — конечно же, Наполеона Бонапарта, насильственно захватившего власть во Франции и самовластно объявившего себя императором. Строка “Вольности” “Упрёк ты Богу на земле” тем более убеждает, что она не может относиться к русскому царю — законному престолонаследнику и уж тем более никак не может клеймить православного русского самодержца...

...Как бы то ни было, Пушкин вольно или невольно “переиграл” своих недоброжелателей и злых завистников. В отдалении от мелкой и ничтожной суеты столичного света он нашёл силы не только воспрянуть духом, но и разбудил в себе нетленный творческий огонь, обрёл тесную связь с той стороной жизни, которую доселе хорошо не знал, а именно жизнь простого русского народа и его необъятную православную набожность, что воплотилось в целом ряде его гениальных произведений.

Благодаря Христовой вере поэт не ощущал тягучее течение времени ссылки, ибо благодать Божия стирает временные грани и одинаково проникает в верующее сердце...

Здесь, в полном уединении и моральном согласии с самим собой, в тесном общении с русской самобытной природой и добрыми и набожными крестьянами он смог глубоко заглянуть в свою душу, понять душу родного народа. Здесь он усердно читает Библию, жития святых, Шекспира, Вальтера Скотта, посещает знакомые в Тригорском — имени П. А. Осиповой. Здесь поэт впервые вошёл в живое, непосредственное общение с Церковью через братию Святогорского монастыря и окрестное духовенство.

Воочию наблюдая тесную связь народа с монастырём и углубляясь в изучение летописей, в которых живописно и образно развёртывались широкие картины жизни Древней Святой Руси, Пушкин со свойственной ему добросовестностью не мог не оценить по достоинству неизмеримо высокое, нравственно исцеляющее влияние Русской Православной Церкви на русский народ и Российское государство.

Исследователи творчества Пушкина отмечают: то, что поэт написал после 1825 года, мог написать только Пушкин, то есть его творческий уровень достиг доселе небывалой, огромной высоты. Это была пора его золотой зрелости, когда он стал, по выражению Вадима Кожинова, “одним из величайших мировых поэтов”, создателем своих высших творений. И без сильнейшего благотворного влияния Церкви, Православной веры и её исцеляющих заповедей, по моему убеждению, Пушкин не достиг бы тех необъятных, творчески поднебесных высот, которые открылись ему в ссылке.

Очень многие читатели и почитатели русского гения едины во мнении: Пушкин — не только высочайшая вершина отечественной и мировой литературы,

но и высочайшая вершина нравственности, достоинства и чести русского Гражданина, национально-патриотического чувства и уважения к иным народам и культурам. “При имени Пушкина, — писал Н. В. Гоголь в 1832 году, — тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нём, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла” (цитирую по предисловию В. В. Кунина к кн.: Друзья Пушкина. — Указ. издание. Т. 1. С. 5).

“Достоянием России” называл Пушкина его добрый, верный и заботливый лицейский друг Пущин, человек очень трудной судьбы, сумевший вовремя уберечь увлекающегося Пушкина от сильного сближения с тайным обществом неистовых декабристов. Это именно к Пущину обращался великий поэт в 1814 году, за 11 лет до трагедии на Сенатской площади:

*Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнём рукою руку.
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьём,
Нередко и бранимся,
Но в чашу дружества нальём —
И тотчас помиримся...*

Пушкин-поэт изначально прекрасен, но в пору своей золотой зрелости он осознаёт: “Я чувствую, душа моя расширилась, я могу творить”. Это скромное откровение говорит само за себя: в художественном поиске Пушкин редко оставался доволен собой, очень критично относился к своим творениям, лишь изредка “награждая” себя высокой похвалой: “Ай, да Пушкин, ай, да сукин сын!..”

Идеальный образ человеческой личности, который лелеял Пушкин в своей душе, это образ православного христианина. Особенно сильно и неотрывно от евангелических сюжетов поэт находился в последние годы и дни своей жизни, явно предчувствуя свой трагический конец. Но в его поэзии этого периода нет уныния, душевной отрешённости, горестной печали от грядущего и неизбежного ухода в мир вечного Божьего покоя...

“Гений Пушкина выразил трагическую мысль: добро не может победить зло, потому что оно перестаёт быть добром, — высказал спорную мысль литературовед Вадим Кожин. — Перечитайте стихотворение о предательстве Иуды. Здесь действительно та всемирность, которая ставит Пушкина в ряд самых высших поэтов, самых сильных, выразивших столь поразительную мысль” (В. В. Кожин. Тайна Пушкина. Советская Россия. 1994. 4 июня. С. 4).

В. Кожинув возражает журналист Галина Ореханова: “Всё творчество поэта было буквально пронизано солнцем любви и торжествующего добра. Нравственный подвиг Пушкина состоит в том, что воспел христианскую культуру и доказал её полное право на жизнь. В последние годы Пушкин находился во власти евангелических сюжетов, но не посягал на их иное, чем в Евангелии, толкование” (там же).

Вот почему весьма показательны письма поэта из Михайловского к своему другу — поэту и критику П. А. Вяземскому. В одном из них (июль 1826 года) он пишет с большим огорчением и возмущением: “Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные под именем Баркова. Если бы меня потребовали Комиссией, то я бы, конечно, оправдался...”

Поэта чрезвычайно угнетала и возмущала мысль, что в общественном сознании его времени, стало быть, утвердятся и в памяти потомков злая и нелепая мысль, будто он, призванный Господом “глаголом жечь сердца людей”, способен на написание подобных пошлых “шедевров”, приписываемых злым языками его благородной творческой руке...

О каком же возможном “самооправдании” ведёт речь поэт? И было ли в чём ему действительно “оправдываться”?..

...19 августа 1828 года Пушкин был вызван в Петербург к военному губернатору по поводу обвинения поэта в написании “Гавриилиады” и дал такое письменное показание: “Ни в одном из моих сочинений, даже тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религией. Тем прискорбнее для меня мнение, приписывающее мне “Гавриилиаду” – произведение жалкое и постыдное” (см. В. В. Никольский. Нравственные идеалы Пушкина // Христианское чтение. М., 1982. С. 50).

К сожалению, эти, бесспорно, предельно искренние признательные слова Пушкина не убеждают, да и не могут убедить негативно настроенных “пушкинородов”, уж сколько времени и сил понапрасну потративших на выискивания строк, свидетельствующих о якобы вульгарно-материалистическом “богоборчестве” поэта... “Не в том главный ужас, что Пушкин мог написать эту гадость, а в том, что “Гавриилиаду” переписывали и читали с каким-то сладострастным упоением!” – произнёс один из неугомонных “пушкинородов”... Тогда, позвольте, сударь, Вас спросить – при чём же тут сам Пушкин?.. Ведь не он же тиражировал и распространял эту несусветную гадость?!

Увы, до сих пор переписывают, активно “популяризуют” “Гавриилиаду”, беспрестанно тиражируют пресловутые “Потаённые романы Пушкина”, “Стихи не для дам” те “доброжелатели”, которых хлебом не корми, лишь бы низвергнуть гениального поэта в пучину безмолвия.

Ныне стало злым поветрием приземлять, унижать, опозлять русских национальных гениев. Впрочем, это даже не только злое поветрие, а целенаправленная политика, направленная на дискредитацию и свержение русских национальных гениев с пьедестала с целью подавления русского национального самосознания. Вспомним, кто только из них не подвергался опорочиванию, грязному шельмованию, злой лжи и пр., начиная от царя Ивана Грозного до Ломоносова, Достоевского, Блока, Есенина, Шолохова, Чайковского, Жукова и несть им числа...

Нынче, быть может, не столько Пушкина надо защищать от разгулявшихся не в меру чужебесов и лютого, антибожеского чужебесия, сколько всю нашу русскую литературу, всё русское, духовно светлое, национальное.

Преднамеренно игнорируется то, что в нервной, напряжённой суеде нелёгких будней светлый гений тоже может поддаться искушению житейского соблазна, временному унынию, его гармоничная лира способна издать диссонирующий звук.

Я говорю это вовсе не в оправдание Пушкина – ни в каких наших оправданиях он не нуждается, – но с целью призвать сомневающихся в нравственном и духовном совершенстве поэта к элементарному пониманию, что он был высокой и совершенной натурой, тонкой, чистой и благородной, глубоко убеждённым в том, что поэты – это посланники Господа на грешной земле, призванные “глаголом жець сердца людей”, морально и нравственно исцелять их, будить в них доброе, прекрасное, вечное, Божеское...

Уже то, что наиболее часто вменяемые Пушкину “кощунства”, по справедливому замечанию Ходасевича, “неизменно шуточные, а не воинствующие”, что “их стрелы не ядовиты и не глубоко ранят”, следует признать, что они были скорее случайной вспышкой горячей природы или просто легкомысленной игрой воображения юного поэта, нежели сознательным его убеждением, и никогда не носили характера ожесточённого, бескомпромиссного богоборчества.

“Процесс его религиозного развития проходил с изумительной быстротой; он гораздо раньше, чем в своё время Толстой и Достоевский, понял, что без религии жизнь не имеет смысла и оправдания и что к постройке религиозного мировоззрения нельзя приступать только с таким слабым орудием, каким является наш колеблющийся рассудок, здесь необходимо указание внутреннего духовного опыта, прикосновение к родной русской земле, от которой так много заимствовали в смысле своего нравственного воспитания и наши последующие великие писатели”, – говорит о Пушкине митрополит Анастасий (указ. соч. С. 180).

...Ещё несколько десятилетий назад пушкиноведами и лингвистами делались безуспешные попытки доказать, что поэт не имеет никакого отношения к пошлой и циничной “Гавриилиаде”, как и к стихам под авторством “Баркова”. Но православный дух поэта подвергается сомнению по сей день.

Как пишет в частном письме один мой хороший знакомый: “Сомнения относительно религиозности Пушкина у меня возникали (да и сейчас не оставляют) в связи с другим – со “Сказкой о попе...”. Не зря при жизни поэта, да и много лет спустя её ни разу не издавали...”

Ставить под сомнение православную религиозность Пушкина в целом, оперируя лишь его шуточной “Сказкой о попе и работнике его Балде”, представляется крайне неубедительным.

Рассуждая о принципиальной возможности или невозможности авторства Пушкина в некоторых его озорных стихах, написанных, по выражению протоиерея И. Предтеченского, “в безумстве и лени”, я полагаю, надо исходить, прежде всего, из глубокой внутренней культуры великого русского поэта, который вряд ли опустился бы до пошлости столь низкого пошиба даже при своём кратковременном ослаблении духа, на что способен каждый живой человек...

Основой написания поучительной, искрящейся добрым юмором “Сказки о попе и о работнике его Балде” послужила русская народная сказка, записанная Пушкиным в Михайловском в сентябре 1830 года от Арины Родионовны. Восхитительный пушкинский гений придал ей исключительно неподражаемый художественный блеск и светлую дидактическую мораль: никто, даже отдельные служители религиозного культа, не могут оставаться вне доброй, лучезарной и полезной, в конечном счёте, критики, если, паче чаяния, кто-то из них вдруг замарает себя алчностью, сребролюбием и прочими житейскими пороками, совершенно не совместимыми с благородными церковными канонами...

Осенённое Божией благодатью пребывание в Михайловском оказалось творчески чрезвычайно плодотворным. Тут Пушкин создал произведения поистине мирового звучания – историко-философскую драму “Борис Годунов”, 3, 4, 5, 6-ю главы “Евгения Онегина”.

Стихотворение “Пророк” явилось гениальным подражанием 6, 7 и 8-му стиху главы пророка Исая:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим на перепутье мне явился...
И он мне грудь рассек мечом
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
“Встань, пророк, и виждь,
И немли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей”.*

“Я как-то ездил в монастырь Святые Горы, чтобы отслужить панихиду по Петре Великом. Служка попросил меня подождать в келье. На столе лежала открытая Библия, и я взглянул на страницу – это был Иезекииль. Я прочёл отрывок, который перефразировал в “Пророке”. Он меня внезапно поразил, он меня преследовал несколько дней, и раз ночью я встал и написал стихотворение”, – отмечал поэт.

Сложный, мятежный, нередко противоречивый, Пушкин обретал цельность и духовно-нравственную гармонию, как только соприкасался с Богом.

Вместе с автором обретают глубокую внутреннюю цельность и духовную прочность его положительные герои. Критерием положительности пушкинских персонажей является степень их “приближённости” к Всевышнему. “Но я другому отдана, / И буду век ему верна”, – с глубоким внутренним достоинством и чувством высокой нравственной ответственности заявляет Татьяна Ларина Онегину, которого она по-прежнему искренне любит. Но переступить порог верности мужу она не смеет даже в мыслях, ибо брак освящён самим Господом в православном храме, прервать брачный союз мужа и его супруги в силах разве что одна смерть...

В неколебимую силу святой молитвы верят герои “Капитанской дочки”: не потому ли дважды спасается Петруша Гринёв от грозившей ему гибели,

что сердцем и умом обращается к Господу, и Всевышний не остаётся безучастным к его полной драматизма судьбе?.. В образе благонравной Машеньки Мироновой, как и в Татьяне Лариной, явно воплощены искания поэтом идеала русской христоролюбивой женщины. В этих героинях воплощён обобщённый идеал женской божественной красоты, а конкретно – образ любимой жены Пушкина Натальи Николаевны.

Но одно дело яркие и цельные художественные образы, созданные поэтом как нравственный эталон женской красоты, и совершенно другое – конкретный, реальный образ жены Пушкина, которая принадлежала своему времени и не могла избежать определённой условности великосветской жизни, что в конце концов и послужило одной из ключевых причин трагической гибели её супруга, благородно и мужественно, ценою своей жизни защитившего честь своей оболганной жены. . .

“...ГЛАГОЛОМ ЖГИ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ”

Поэт, по мысли Пушкина, потому и всевидящий пророк, что получает некое *помазание*, то есть Божий наказ с неба, очищается и освящается на служение небесным огнём. Отсюда столь же высоки и нравственные обещания, взятые им: быть орудием воли Божией (“исполнись волею Моей”).

Тесную связь с “Пророком” имеет стихотворение “Странник”. Учёные обнаружили в бумагах Пушкина две выписки из Пролога – книги, содержащей краткие жизнеописания святых, которые по своей тематике имеют сильное сходство с сюжетом “Странника”. Автор первой биографии поэта, издавший первое полное собрание его сочинений, П. В. Анненков сообщает, что Пушкин переложил на язык художественного слова сюжет Пролога в Житии преподобного Саввы-игумена.

Известно также, что Пушкин очень внимательно изучал жития святых, Киево-Печерский патерик, знал Четьи-Минеи, составленные в XVI веке митрополитом Московским Макарием. С большим пониманием дела написал в своём журнале “Современник” рецензию на “Словарь о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местночтимых” . . .

“Но как объяснить наличие у Пушкина откровенно атеистических выпадов, в частности, в его раннем стихотворении “Безверие”?!..” – восклицают “пушкиноеды”. Мол, можно назвать и другие стихи поэта, в которых он явно выглядит отнюдь не благоговейным религиозным агнцем, но дерзким отрицателем Всевышнего и даже богохульником. . .

В том-то и дело, что это ранний Пушкин. Нередко дерзкий, озорной, ещё не проникнувшийся глубоким чувством Господней веры. Не следовало бы писать с этого Пушкина икону, идеализировать его формирующееся мировосприятие. Пушкин был живой человек с недостатками и противоречиями, эволюция его мировоззрения не была и не могла быть совершенно безупречной. При всём том называть его богохульником – в корне неверно и недопустимо!

По меткому замечанию видного русского литературоведа Петра Палиевского, “Пушкин – такой верующий, с которым удобно говорить атеисту, и такой атеист, с которым удобно говорить верующему”.

“Спускаясь с горных творческих высот и погружаясь в заботы и наслаждения суетного света, он на миг утрачивал свой дар духовного прозрения. Его окрылённый ум, ещё недостаточно дисциплинированный в юности, но отравленный в значительной степени ядом вольтерианства, не мог тогда собственными силами осмыслить мировую жизнь и разрешить все сложные загадки бытия. Отсюда началась для него трагедия оскудения веры, какою так глубоко изобразил он в своём раннем стихотворении “Безверие”, – мудро размышлял митрополит Анастасий. – . . . Будучи “зол на весь мир”, он рад был бросить вызов правительству и обществу резкими и жёлчными литературными выступлениями и другими легкомысленными поступками, приводившими в отчаяние как его отца и других родственников, так и его покровителей и друзей – Карамзина, Жуковского, Вяземского, Тургенева. Под таким настроением душевной дисгармонии и рождались обыкновенно его язвительные политические памфлеты, эпиграммы и кощунственные стихи, оскорбляющие религиозные чувства верующих и стяжавшие ему печальную репутацию безбожника, от коей его имя не может освободиться даже до настоящих дней.

Однако неверующим его могут считать только люди тенденциозно настроенные, которым выгодно оставить нашего великого национального поэта религиозным отрицателем, или те, кто не дал себе труда серьёзно вдуматься в историю его жизни и творчества” (митрополит Анастасий. Указ. соч. С. 178).

Допускаю, что на временное увлечение Пушкина атеистическими постулатами негативно повлияли его доверительные отношения с историографом Н. М. Карамзиным, западником, увлечённым якобинскими инсинуациями. Не случайно “попечитель учебного округа Голенищев-Кутузов в августе 1810 года обратился к министру просвещения Разумовскому с предупреждением об опасности, исходящей от новоявленного историографа. Он писал, что сочинения Карамзина наполнены ядом якобинства и вольдумства, источают безначалие и безбожие...” (цитирую по статье Игоря Евсина “О масонстве Карамзина и его клевете на царя Иоанна Грозного”. Московские Ворота. 2014. № 10. С. 18).

Неоднозначно влияние на Пушкина и П. А. Чаадаева, по выражению современника поэта Д. В. Давыдова, “человека начитанного и, без сомнения, всегда умного шарлатана в непрерывном пароксизме честолюбия, но без духа и характера, как белокурая кокетка...” (Д. В. Давыдов – Пушкину. 23 ноября 1836. См.: указ. издание книги “Друзья Пушкина”. Т. 1. С. 508). Откровенно прозападные и антиклерикальные взгляды и умонастроения Чаадаева явно не способствовали духовному и религиозному развитию личности Пушкина.

Зато долгое и тесное общение с набожным Василием Андреевичем Жуковским, истинное значение личности которого Пушкин представлял в полной мере, более чем вдохновляло поэта. “На упрёки по адресу Жуковского в мистицизме, в пренебрежении к проблемам века, содержащиеся в письме Рылеева (эту позицию занимал и Кюхельбекер), Пушкин возражал: “Не совсем соглашаюсь со строгим приговором о Жуковском. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорезались? Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности” (см.: указ. издание книги “Друзья Пушкина”. Т. 1. С. 328).

В 1818 году Пушкин в стихотворении “К портрету Жуковского” предсказывал:

*Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнёт о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость...*

Вместе с тем следует избегать и другой крайности – ошибочно утверждать, будто Пушкин был аскетически устремлённым человеком, фанатично уверовавшим во Всевышнего, абсолютно чуждым земных благ и радостей. Поэт удивительно органично соединял в себе оптимизм, веру в Господа и человека как создание Божие. Вера в Христа, по его убеждению, одухотворяет, нравственно и морально очищает, исцеляет, но не отлучает от полнокровной земной жизни.

Неудивительно, что поэт насыщает свои произведения на христианские мотивы весело искрящимся юмором, жизнелюбием, порой едкой (но не злой!) сатирой (вспомним опять же “Сказку о попе и о работнике его Балде”).

...К сожалению, неистовые “пушкиноеды” жадно цепляются за любую возможность, чтобы “уличить” поэта в религиозном безверии. Они обращают наше внимание на строчки пушкинского письма из Одессы к другу, где поэт говорил, что берёт уроки атеизма у некоего англичанина-философа и что атеизм он признаёт наиболее правдоподобной философией...

Факт существования такого письма бесспорен, как неоспоримо высказывание Пушкина о его “уроках атеизма”. Но что это были за “уроки”? Сам же поэт так оценил свою юношескую легкомысленность: “Можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить как всенародную проповедь?” Не логичнее ли прислушаться к более серьёзным и ответственным откровениям поэта?

...Обсуждая проблему “Пушкин и православно-христианское сознание”, нельзя обойти стороной вопрос, ещё мало освещённый в пушкиноведении, – слава Богу, короткое увлечение поэта масонством, хотя придавать

исключительное значение этому порыву нельзя, ибо он не повлиял серьёзно на творческие искания “солнца русской поэзии”.

Известно, подверженного юношескому максимализму поэта потянул к себе завуалированный под либерализм, политически оппозиционный дух прозападно настроенных “вольных каменщиков”, их спрятанная от внешнего глаза романтическая таинственность... Но как только Пушкин осознал далеко идущие разрушительные идеи и планы русских масонов, с которыми был некоторое время дружен, как только чутко уловил реальный запах невинной людской крови в их “святом” желании под корень физически истребить царя, всю его семью и дворцовую челядь, он ощутил полное разочарование в их антигуманных политических целях и устремлениях. И, недолго размышляя, решительно покинул масонское “вольное братство”.

Его глубокому аналитическому уму было вполне по силам распознать, что, хотя с 1822 года императором Александром I масонские организации, куда входили декабристы, были в России запрещены, однако в реальности они конспиративно существовали и вели активную якобинскую информационно-идеологическую обработку российского общества в духе откровенной русофобии, исповедуемой, к примеру, либеральным стихотворцем, доцентом Московского университета Печериным:

*Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницы пробужденья...*

Весьма смутила поэта и яростная антихристианская позиция российских “вольных каменщиков”, восхищённо комментировавших на своих встречах обильные кровавые оргии, чинимые французскими радикал-революционерами, обезглавившими своего короля...

Пушкин прекрасно понимал, что всякие кровавые перевороты и революции, несущие неисчислимые беды и несчастья народу, непременно начинаются с отрицания Святой веры, Господа, Его святых заповедей. Читатель наверняка помнит со школьных лет эпиграф, вынесенный Пушкиным к повести “Капитанская дочка”: “Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный”.

Возможно, быстрый отход от масонов и разрыв Пушкина с лидерами декабристов объясняется тем, что, как писал митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн: “Здесь, на Руси не работают те масонские механизмы, которые во всём остальном мире срабатывают прекрасно. ... И происходит это потому, что социальная психология, да и вообще рационалистическая наука не способна на Руси решить те задачи, которые перед ней ставят разрушители” (Высокопреосвященный Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Посох духовный. СПб, 2000. С. 189).

“Разрушителями” Архипастырь прямо и недвусмысленно называл мощные международные экуменистические силы, вознамерившиеся создать единую мировую псевдорелигию, растворив в ней святые истины Православия.

Постепенно, но с завидной скоростью Пушкин выработал для себя стройную и глубокую теорию о происхождении Христовой веры, о её всеохватной и облагораживающей роли в жизни народов. **“И я в конце концов пришёл к тому убеждению, что человек нашёл Бога именно потому, что он, Бог, существует.** Нельзя же найти то, чего нет, даже в пластическом искусстве. Идея Божества прирождена нам. Особым таинственным инстинктом мы познаём потустороннюю действительность, которая столь же реальна, как и всё, что можем трогать, видеть, испытывать. В народе есть врождённый инстинкт этой действительности, то есть религиозное чувство, которое он даже и не анализирует. Он предпочитает религиозные книги, не рассуждая об их нравственном значении. Когда начинаешь читать Писание, его вкусы становятся понятны, потому что в нём находишь всю жизнь...”

Нет сомнения, что для Пушкина до последней секунды его светлой, освящаемой Господом жизни на первом месте, говоря словами Достоевского, неизменно “оставался пресветлый лик Богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота” (цитирую по статье Романа Ключника “Либеральный этап жизни Ф. М. Достоевского”. Потаённое. 2021. № 2. С. 8).